

УДК 1 (091)

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ А. Ф. ЛОСЕВА

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: friauf50@mail.ru

В статье автор ставит перед собой задачу рассмотреть аргументы А. Ф. Лосева о соотношении понятий абсолютной и относительной мифологий. Это тем более актуально, что в среде историков русской философии данная идея русского мыслителя остается плохо рецептированной и недостаточно проясненной, поэтому автор начинает с текстурального анализа ранних произведений Лосева, в которых он впервые высказывает эту эвристичную идею. Она предлагается в качестве способа решения вопроса о синтезе веры и знания посредством оригинально истолкованного *гносиса*. Последовательно анализируемые источники (книги и статьи А. Ф. Лосева) раскрывают понятие абсолютной и относительной мифологий. Лосеву принадлежат парадоксальные тезисы, согласно которым в повседневном обиходе нет ничего, кроме той или иной мифологии. Равным образом, как наука, так и религия суть не что иное, как виды относительной мифологии. Поздняя статья о соотношении абсолютной диалектики и абсолютной мифологии развивает ранние интуиции русского мыслителя. В итоге можно констатировать, что в русском мировоззрении идеи А. Ф. Лосева занимают свое место, которое можно обозначить как теоретическое развитие православной теологии, т.е. как дальнейшее развитие основных положений русской идеи. **Ключевые слова:** абсолютная мифология, относительная мифология, абсолютная диалектика, относительная диалектика, гносис.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-430-433

Даже среди замечательно глубоких и плодотворных размышлений русских мыслителей о сущности веры и знания теоретические взгляды Алексея Лосева занимают особое положение. А. Ф. Лосев, он же монах Андроник сумел за свою долгую человеческую и творческую жизнь разработать целостную систему мировоззрения, которую сам квалифицировал как «**православно понимаемый неоплатонизм**». В частном письме своей жене – Валентине Михайловне Лосевой – русский мыслитель называет себя «философом имени, числа и мифа». Но, прежде всего, мы должны настоятельно подчеркнуть принципиальную установку всего богатейшего наследия Лосева, которую следует обозначить как **православно ориентированное мышление**.

Идея *абсолютной мифологии* одна из самых глубоких и эвристичных в мировоззрении Алексея Лосева. И она, увы, до сих пор плохо понимается даже в сообществе историков русской философии. Первое упоминание, первые разъяснения смысла и сути абсолютной мифологии мы находим в знаменитой ранней работе Лосева

«Диалектика мифа». «Я хотел бы здесь наметить, – пишет русский мыслитель, – одну установку, которая будет играть основную роль в наших дальнейших изысканиях. Это – противоположность *абсолютной* и *относительной* мифологии» [1, с. 198].

Действительно, эта идея играет основную роль во всех дальнейших изысканиях Лосева. Нас в данном случае интересует лишь один, хотя и самый существенный её аспект, а именно – истолкование загадки феномена веры и феномена знания в контексте лосевского учения об абсолютной и относительной мифологиях. Но что же именно понимает под абсолютной и относительной мифологиями сам Лосев? «Возможна мифология, которая ни с какой стороны и ни в каком отношении не встречает препятствий для своего существования и развития, – отмечает мыслитель. – Такая мифология существует как единственно возможная картина мира, и ни один принцип её не подвергается никакому ущербу. Такую мифологию я называю *абсолютной*.

Напротив, если мифология не понимает своей мифологической природы, уродует диалектику как собственный разум, увлекается частностями и абсолютизирует какой-нибудь один или несколько принципов мифологии абсолютной – то перед нами относительная мифология» [1, с. 198–199]. Уже в «Диалектике мифа» Алексей Лосев максимально сближает понятия мифа и диалектики – собственно, для него это просто два способа выражения одного и того же явления. Одновременно такая мифология и такая диалектика – суть учение о бытии, т.е. онтология: «Абсолютная мифология есть абсолютное бытие, бытие, достигшее степени мифа. Развернуть такую мифологию – значит показать, как это абсолютное бытие дорастает до такого абсолютного мифа и какие этапы проходит бытие в это развитие» [1, с. 200].

Кроме того, перед нами мифология, которая, несомненно, включает в себя сакраментальный вопрос о природе веры и её соотношении с природой знания. Понятно, что Лосев как православный мыслитель не мог обойти вниманием это обстоятельство. «Прежде всего, – поясняет он свою позицию, – я развивал антиномию *веры*

и знания. – Вера, того требует диалектика, не может осуществляться без знания и даже есть само знание (или вид его), а знание не может осуществляться без веры и, в сущности своей, и есть не что иное, как вера (или вид её). Вопреки относительной мифологии, выставляющей на первый план то веру без знания, то знание без веры, *абсолютная мифология может* избрать только один путь – признать одинаковую, совершенно равноправную ценность веры и знания» [1, с. 201]. Запомним этот тезис. Ибо далее, как мы вскоре увидим, русский мыслитель пытается конкретизировать и содержательно развернуть его.

Как же это может сделать абсолютная мифология? Она может это сделать, отвечает Лосев, только так, чтобы оба этих момента *объединились в нечто третье совершенно без всякого остатка*, чтобы объединение веры и знания совершилось не по типу веры и не по типу знания, чтобы была третья, совершенно особая категория, которая бы целиком скрывала в себе эти две и по сравнению с которой они оказались бы только несамостоятельными, абстрактными моментами. Такой синтез, подчёркивает мыслитель, может дать только диалектика, так она может примирить враждующее противостояние веры и знания. Таким синтезом является *ведение*, равноправно вмещающее в себе и веру, и знание и не способное осуществиться ни без веры, ни без знания: «Я называю эту мифологию *абсолютной, она всегда ведение, гносис*. Фидеизм же и рационализм есть виды относительной мифологии <...>. Абсолютная мифология гностична, она – *гностицизм* (конечно, в общем, а не в специальном смысле христианских сект II–III вв.)» [1, с. 202]. О двух видах ведения, отмечает мыслитель, читаем у Исаака Сирина: 1) «естественного, предшествующего вере» и 2) «духовного, порождаемого верою» [1, с. 202–203]. Такой гносис, соединяющий веру и знание, бывает пророческим, молитвенным интеллектуальным и показывает – на примере толкования Апокалипсиса – невозможность его адекватного толкования с опорой только на веру или только на знание.

Нас, однако, интересует содержательный разворот этой темы в более поздней работе А. Лосева, озаглавленной им самим как «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология». Заметим при этом, что, собственно, вся мыслительная переработка платонизма и всего античного наследия совершается Алексеем Лосевым именно на основе византийского богословия энергий. Следовательно, содержательная экспликация *гносиса* как синтеза веры и знания осуществляется им на страницах знаменитой «Философии

имени» и трактата «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология». Так как сам мыслитель определяет свое кредо как «православно понимаемый неоплатонизм», то наша задача состоит именно в том, чтобы теоретически содержательно раскрыть его, иными словами, показать и обосновать саму возможность *православного понимания и толкования платонизма*. Это тем более актуально, что и поныне нередко можно читать у некоторых историков русской философии утверждение о якобы языческом, неоплатоническом уклоне в мировоззрении Алексея Лосева. Такие заявления появляются по причине непонимания сущности как самого платонизма, так и православной метафизики, т.е. следуют из полного непонимания творческого наследия Алексея Лосева.

Метафизика, в отличие от онтологии, есть способ постижения трансцендентного бытия истока. Следовательно, нам совершенно необходимо сравнить способы постижения такого трансцендентного истока в платонизме и в христиански ориентированной мысли: только таким образом мы можем уяснить смысл лосевского тезиса о православно понимаемом платонизме и тем самым раскрыть подлинный смысл абсолютной диалектики и абсолютной мифологии как синтеза веры и знания.

Такой трансцендентный исток в платонизме и неоплатонизме – это Благо, или Единое, которое, согласно Платону, превышает бытие достоинством и силой. Бытие, возникающее из Единого, *едино* по своему генезису и одновременно *множественно*, так как посредником между трансцендентным Единым и имманентным бытием оказывается не что иное, как *Число*. Именно Алексей Лосев сумел разработать такую философию числа, которая сохраняет лучшие образцы его платонической разработки с их поправкой на христианское толкование метафизики.

Понятно, что православно ориентированный мыслитель, каким и является Алексей Лосев, не может именовать трансцендентный исток Единым, хотя категория *Одного* и является у Лосева одной из пяти ведущих категорий его абсолютной диалектики.

Однако эти категории вторичны по отношению к тайне Троичности, или Пресвятой Троицы. Понятно, что такое отличие имплицитно также и отличие в способах постижения трансцендентного истока в платонизме и христианстве. Здесь-то мы и видим, почему в платонизме нет антиномии веры и знания и почему она появляется в христиански ориентированной мысли. Платон специально показывает в диалоге «Теэтет» невозможность определения сущности знания с опорой на

онтологию чувственно воспринимаемого мира. Это знаменитый платоновский «театр» теней: люди как узники пещеры, т.е. материального космоса, находятся в таком положении, что могут непосредственно наблюдать не само бытие реальных существ, а всего лишь их теневые проекции на *гилетической* основе космоса. Чтобы увидеть и познать сами виды подлинного бытия (эйдосы), необходимо совершить поворот умственного взгляда – *эпистрофе* и пережить *метаною*, т.е. перемену состояния самого *Ума*. Платонизм здесь – наследник античной мифологии. Непосредственное сценическое воплощение такой мифологии – и в случае с вопросом о знании как постижении подлинного бытия и его трансцендентного истока – это знаменитые *античные мистерии*. Именно мистерии, или храмовые таинства, призваны были осуществить упомянутые эпистрофе и метаною, чтобы раскрыть способность созерцания эйдосов как ликов, или видов подлинного бытия. При всём любовании «скульптурно изваянной мифологией античности», Лосев относит её тем не менее тоже к относительной мифологии, ибо абсолютной мифологией для него является только тайна Пресвятой Троицы. Синтез *апофатизма и символизма* – вот что отличает христианскую метафизику от метафизику античной; иное выражение этой формулы – это христиански ориентированный синтез *персонализма и онтологизма*.

Итак, в античной метафизике нет места антиномии веры и знания, так как это место занимает *антиномия знания и мнения*. Мнение – это созерцание теневых проекций, т.е. чувственно данного космоса. Знание – это припоминание душой своего созерцания эйдосов, или видов подлинного бытия, вернее, это способность видения подлинного бытия благодаря открытию эйдетического зрения в мистериальном посвящении. Отблеском, или дальним эхом такого толкования Знания является, к примеру, знаменитое определение веры как «обличения вещей невидимых» у апостола Павла. Среди русских мыслителей особенно яркое толкование веры как разновидности знания мы находим в замечательной работе В. И. Несмелова «Вера и знание с точки зрения гносеологии» [2]. Необходимость опытного переживания соприкосновения с тайной Пресущественной Пресвятой Троицы, т.е. опыта *личного Богообщения*, также подчёркивалась русскими мыслителями Серебряного века. На этом настаивали и Николай Бердяев, и Сергей Булгаков, а Семён Франк даже развивает специальное учение о различии веры-доверия и веры-достоверности. Иван Ильин подчёркивал, что неверующих людей не бывает: мы все *верим*,

хотя и не все *веруем*: верить можно во всё, что угодно, но веровать – только в непостижимую тайну Божию.

Итак, способность созерцания эйдосов превращается в христианской Благой вести в верование как обличение вещей невидимых и упование чаемого. Вот почему Алексей Лосев отмечает также, что сама вера есть знание или вид его, и наоборот – знание есть сама вера или вид её. Чтобы обрести веру как способность ведения в смысле А. Лосева, христианину тоже необходимо пройти через таинства христианского культа (этот момент наглядно развит в курсе лекций о Павла Флоренского «Философия культа»). Христианин также переживает эпистрофе и метаною, только для него это поворот не просто к видам подлинного бытия, но к тайне трансцендентного бытия *Святой Троицы*. При этом античная метаною становится таинством *покаяния*.

Что касается личного вклада Алексея Лосева в истолкование соотношения веры и знания в христиански ориентированной мысли, то подчеркнём ещё раз: этот вклад, по нашему мнению, как раз и реализуется русским мыслителем в его учении о природе абсолютной мифологии.

Вместе с трактатами «Первозданная сущность» и «Самое Само» текст «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология» занимает особое место в корпусе всего лосевского наследия. Именно в этих работах русский мыслитель отчетливо выражает свою основную интенцию – *православное понимание метафизических вопросов и разработка специальной философской терминологии такого понимания и толкования*.

Напомним читателю: в свёрнутом виде *основное ядро абсолютной мифологии суть не что иное, как диалектическое соотношение Сущности Божией и Имени Божия*. И если Несмелов ярко раскрывает гносеологический подход к пониманию веры как интеллектуальной интуиции и способа познания реальности Трансцендентного, то Алексей Лосев, следуя максиме «именами знаем – знанием – именуем», развивает учение о лестнице первичных имён, которые не «хуляются материей имязвучия», но в умном молитвенном созерцании (*теории*) именно они как носители умно-софийной телесности и нетварных энергий Божества организуют личностно ориентированную коммуникацию человека и Бога. Ибо к христианскому Божеству можно обращаться лишь в «звательном падеже», то есть личностно и посредством личного имени.

И если Булгаков и Франк настаивают на понимании веры как особого опыта личного Богообщения, то Лосев уточняет: такой опыт возможен лишь как синтез апофатизма и символизма, т.е. ка-

теории абсолютной диалектики суть не что иное, как символы абсолютной мифологии. Абсолютная мифология Лосева, таким образом, и есть синтез веры и знания, веры как знания и знания как веры.

Итак, абсолютная диалектика, или абсолютная мифология, в своей окончательной формулировке есть «Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Св., Троица единосущная и нераздельная, неисповедимо открывающая себя в своём имени» [3, с. 295]. Разве можно усомниться после такого вывода в православной ориентации выдающегося русского мыслителя?

Дополню размышления А. Ф. Лосева из его статьи «Абсолютная диалектика – абсолютная мифология»: в ней, написанной спустя несколько десятилетий после первого цикла работ, содержатся положения, развивающие исходные посылы: «Тут-то как раз и становится до полной наглядности понятным, что такое *абсолютная диалектика*. В абсолютной диалектике каждая мельчайшая категория должна играть роль первенствующей категории, роль первоединого, из которого вытекают все прочие потенции» [3, с. 264]. «Относительная диалектика как раз тем и страдает, что она берёт только некоторые категории в качестве основных, остальные же оставляет в том их невыразительном, одномерном виде, в

котором они предстали при первом прикосновении диалектической мысли» [3, с. 64]. Если этот диалектик, продолжает он, увидел бы, как категория «личности» и вместе с тем категории «искусство» и «религия» *вытекают с полной диалектической необходимостью, то никто не посмел бы считать эти категории ложными или несущественными*. Абсолютная диалектика именно в силу своей абсолютности, поясняет мыслитель, требует абсолютного апофатизма. «Итак, абсолютная диалектика, или, что то же, абсолютная мифология, в своей окончательной формулировке есть *Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Св., Троица единосущная и нераздельная, неисповедимо открывающая Себя в своём Имени*» [3, с. 295]. Именно поэтому, напомним, категории абсолютной диалектики суть не что иное, как символы абсолютной мифологии.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 6–216.
2. Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1992. 109 с.
3. Лосев А. Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 263–298.

Образец для цитирования:

Фриауф В. А. Абсолютная и относительная мифология А. Ф. Лосева // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 430–433. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-430-433.

Absolute and Relative Mythology of A. F. Losev

Vasiliy A. Friauf

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: friauf50@mail.ru

In the offered article the author sets for himself a difficult task: to consider arguments of A. F. Losev about a correlation of concepts of absolute and relative mythologies. It is especially actually, because among historians of the Russian philosophy this idea of the A. F. Losev remains insufficiently cleared. Therefore the author begins with the textual analysis of early Losev's works in which Losev first states this fruitful idea. This idea is offered as a way of solution the synthesis belief and knowledge question by means of originally interpreted gnosis. Consistently analyzed sources (books and articles A. F. Loseva) open concept of absolute and relative mythology. Losev states paradoxical theses according to which in daily life there is nothing, except this or that mythology. Similarly, both science and religion are no other than types of relative mythology. Late article about correlation of absolute

dialectics and absolute mythology develops early intuitions of the Russian thinker. As a result it is possible to note that in the Russian outlook the ideas of A. F. Losev take the place which can be qualified also as theoretical development of orthodox theology and so as further development of basic provisions of the Russian idea.

Key words: absolute mythology, relative mythology, absolute dialectics, relative dialectics, gnosis.

References

1. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of the myth]. In: Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost* [Myth. Number. Essence]. Moscow, 1994, pp. 6–216 (in Russian).
2. Nesmelov V. I. *Vera i znanie s tochki zreniya gnoseologii* [Faith and knowledge from the point of view of gnoseology]. Kasa, 1992. 109 p. (in Russian).
3. Losev A. F. Absolyutnaya dialektika – abolyutnaya mifologiya [Absolute dialectics – absolute mythology]. In: Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost* [Myth. Number. Essence]. Moscow, 1994, pp. 263–298 (in Russian).

Cite this article as:

Friauf V. A. Absolute and Relative Mythology of A. F. Losev. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 430–433. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-430-433.